

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pushkinaalexander.ru/> приятного чтения!

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви! прощай: она велела. Как долго медлил я! как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!... Но полно, час настал. Гори, письмо любви. Готов я; ничему душа моя не внемлет. Уж пламя жадное листы твои приемлет... Минуту!... вспыхнули! пылают - легкой дым Виясь теряется с молением моим. Уж перстня верного утрата впечатленье, Растопленный сургуч кипит... О провиденье! Свершилось! Темные свернулись листы; На легком пепле их заветные черты Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый, Отрада бедная в судьбе моей унылой, Останься век со мной на горестной груди...

* * *

Твое соседство нам опасно, Хоть мило, может быть, оно [Так утверждаю не напрасно] [И доказать не мудрено]. Твой дом, учитывая беседа И шутки с желчью ? пополам Напоминают [живо] нам и впрямь Опасного соседа.

НА Ф. Н. ГЛИНКУ.

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах, Бормочит нам растянутый псалом: Поэт Фита, не становись фертом! Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

* * *

Quand au front du convive, au beau sein de D'lie La rose йblouissante? a terminй sa vie.

Soudain [se dйtachant] de sa tige natale Comme un lйger soupir sa douce vme s'exhale, Aux rives [Elysйes] ses mvnes parfumйs Vont charmer du Lethй les bords inanitis.

* * *

Лишь розы увядают, Амврозией дыша, [В Элизий] улетает Их [легкая] душа.

И там, где волны сонны Забвение несут, Их тени благовонны Над Летою цветут.

НА ВОРОНЦОВА

Сказали раз царю, что наконец Мятежный вождь, Риэго, был удушен. "Я очень рад, сказал усердный льстец: От одного мерзавца мир избавлен". Все смолкнули, все потупили взор, Всех рассмешил проворный приговор. Риэго был пред Фердинандом грешен, Согласен я. Но он за то повешен. Пристойно ли, скажите, сгоряча Ругаться нам над жертвой палача? Сам государь такого доброхотства Не захотел улыбкой наградить: Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ.

Враги мои, покамест я ни слова... И, кажется, мой быстрый гнев угас; Но из виду не выпускаю вас И выберу когда-нибудь любого: Не избежит пронзительных когтей, Как налечу нежданный, беспощадный. Так в облаках кружится ястреб жадный И сторожит индеек и гусей.

НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ.

I

"Скажи, какие заклинанья Имеют над тобою власть?" - Все хороши: на все призванья Готов я как бы с неба пасть. Довольно одного желанья Я, как догадливый холоп, В ладони по-турецки хлоп, Присвистни, позвони, и мигом Явлюсь. Что делать - я служу, Живу, крихчу под вечным игом, Как нянька бедная, хожу За вами - слушаю, гляжу.

II

- Вот Коцит, вот Ахерон, Вот горящий Флегетон. Доктор Фауст, ну смелее, Там нам будет веселее. - Где же мост? - Какой тут мост, На вот - сядь ко мне на хвост.

- Кто идет? - Солдат.

- Это что? - Парад.

- Вот обер-капрал,

Унтер-генерал.

- Что горит во мгле?

Что кипит в котле?

- Фауст, ха ха ха,

Посмотри - уха,

[Погляди] - цари.

О вари, вари!...

III

- Сегодня бал у Сатаны На именины мы званы [Смотри как эти два бесенка Усердно жарят поросенка], А этот бес - как важен он, Как чинно выметает вон Опилки, серу, пыль и кости. - Скажи мне, скоро ль будут гости?

- Так вот детей земных изгнать? Какой порядок и молчанье! Какой огромный сводов ряд, Но где же грешников варят? Вс° тихо. - Там, гораздо дале. - Где мы теперь? - В парадной зале.

- Что козырь? - Черви. - Мне ходить. - Я бью. - Нельзя ли погодить? - Беру. - Кругом нас обыграла. - Эй, смерть! Ты право сплutowала. - Молчи! ты глуп и молоденок. Уж не тебе меня ловить. [Ведь] мы играем не из? денег, А только б вечность проводить!

- Кто там? - Здорово, господа! - Зачем пожаловал сюда? - Привел я гостя. - Ах, создатель!.. - Вот докт.ор Ф.ауст, наш приятель - Живой! - Он жив, да наш давно Сегодня ль, завтра ль - вс° равно. - Об этом думают двое; Обычай требовал однако Соизволения моего, Но впрочем это ничего. Вы знаете, всегда [я] другу [Готова] оказать услугу... Я дамой... - Крой! - Я бью тузом... - Позвольте, козырь. - Ну, пойдём...

* * *

Я был свидетелем златой твоей весны; Тогда напрасен ум, искусства не нужны, И самой красоте семнадцать лет замена. Но время протекло, настала перемена, Ты приближаешься к сомнительной поре, как меньше [женихов] толпятся на дворе, И тише звук похвал твой [слух обворожает], А зеркало сильней грозит и [устрашает]. Что делать утешься и смиришь, От милых прежних прав заране откажись, Ищи других побед - успехи пред тобою, Я счастья тебе желаю всей душою,

а опытов моих, Мой дидактический, благоразумный стих.

СОВЕТ.

Поверь: когда слепней и комаров Вокруг тебя летает рой журнальный, Не рассуждай, не трать учтивых слов, Не возражай на писк и шум нахальный: Ни логикой, ни вкусом, милый друг, Никак нельзя смирить их род упрямый. Сердиться грех - но замахнись и вдруг Прихлопни их проворной эпиграмой.

О. С. ПУШКИНОЙ.

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
Семейственной любви и нежной дружбы ради Хвалю тебя, сестра! не спереди, а
сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE Mlle NN.

Почтения, любви и нежной дружбы ради Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

* * *

Напрасно ахнула Европа, Не унывайте, не беда! От петербургского потопа Спаслась
Полярная З. звезда. Бестужев, твой ковчег на бреге! Парнасса блещут высоты; И в
благодетельном ковчеге Спаслись и люди и скоты.

ОДА ЕГО СИЯТ.

ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ.

Султан ярится. (1) Кровь Эллады и резвоскачет, (2) и кипит. Открылись грекам
древни клады, (3) Трепещет в Стиксе лютый пит. (4) И се – летит продерзко судно
И мечет грома обоюдно. Се Бейрон, Феба образец. Притек, но недуг быстропарный,
(5) Строптивный и неблагодарный Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый, Тебя Эллада днесь зовет На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет. Как здесь, ты будешь там сенатор, Как здесь,
почтенный литератор, Но новый лавр тебя ждет там, Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла; Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба, Гремела и правдива лесть. Он лорд – граф ты! Поэты
оба! Се, мнится, явно сходство есть. Никак! Ты с верною супругой (6) Под
бременем Судьбы упругой живешь в любви – и наконец Глубок он, но единообразен, А
ты глубок, игрив и разен. И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый Пиита, В восторге новом воспою Во след Пиита знаменита Правдиву
похвалу свою, Моляся кораблю бегущу, Да Бейрона он узрит кущу, (7) И да блюдут
твой мирный сон (8) Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея, Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист? – Жив°хонек! вс° так же сух и скучен, И груб, и
глуп, и завистью размучен, Вс° тискает в свой непотребный лист И старый вздор и
вздорную новинку. – Фу! надоел Курилка журналист! Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего? Дай мне совет. – Да... плюнуть на него.

КОЗЛОВУ.

Певец! когда перед тобой Во мгле сокрылся мир земной, Мгновенно твой проснулся
Гений, На вс° минувшее воззрел И в хоре светлых привидений Он песни дивные
запел.

О милый брат, какие звуки! В слезах восторга внемлю им. Небесным пением своим Он
усыпил земные муки; Тебе он создал новый мир, Ты в нем и видишь, и летаешь, И
вновь живешь, и обнимаешь Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой Тебе мгновенье дал отрады, Я не хочу другой награды
Недаром темною стез°й Я проходил пустыню мира; О нет! недаром жизнь и лира Мне
были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ.

Когда, любовью и негой упоенный, Безмолвно пред тобой коленапреклоненный, Я на
тебя глядел и думал: ты моя; Ты знаешь, милая, желал ли славы я; Ты знаешь:
удален от ветреного света, Скучая суетным прозванием поэта, Устав от долгих
бурь, я вовсе не внимал Жужжанью дальнему упреков и похвал. Могли ль меня молвы
тревожить приговоры, Когда, склонив ко мне томительные взоры И руку на главу мне
тихо наложив, Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив? Другую, как меня,
скажи, любить не будешь? Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь? А я
стесненное молчание хранил. Я наслаждением весь полон был, я мнил, Что нет

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
грядущего, что грозный день разлуки не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, вс° на главу мою обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою, как
путник, молнией постигнутый в пустыне, и вс° передо мной затмилось! И ныне я
новым для меня желанием томим: желаю славы я, чтоб именем моим твой слух был
поражен всечасно, чтоб ты мною окружена была, чтоб громкою молвою вс°, вс°
вокруг тебя звучало обо мне, чтоб, гласу верному внимая в тишине, ты помнила мои
последние моления в саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами как-то свистнул и выдал их без подписи моей; журнальный шут о
них статейку тиснул, без подписи ж пустив ее, злодей. Но что ж? Ни мне, ни
площадному шуту не удалось прикрыть своих проказ: он по когтям узнал меня в
минуту, я по ушам узнал его как раз.

П. А. О***.

ОСИПОВОЙ

Быть может, уж недолго мне в изгнании мирном оставаться, вздыхать о милой
старине и сельской музе в тишине душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом я буду мыслю всегдашней бродить Тригорского кругом, в
лугах, у речки, над холмом, в саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день, одна из глубины могильной так иногда в родную сень
летит тоскующая тень на милых бросить взор умильный.

* * *

Храни меня, мой талисман. Храни меня во дни гоненья, во дни раскаянья, волненья:
ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан вокруг меня валы ревучи, когда грозою грянут тучи храни
меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран, на лоне скучного покоя, в тревоге пламенного боя храни
меня, мой талисман.

Священный сладостный обман, души волшебное светило... Оно сокрылось,
изменило... Храни меня, мой талисман.

Пускай же в век сердечных ран не растравит воспоминанье. Прощай, надежда; спи,
желанье; храни меня, мой талисман.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ. ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Ainsi, triste et captif, ma lyre

toutefois s'iveillait...

Меж тем, как изумленный мир на урну Байрона взирает, и хору европейских лир близ
Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень, давно без песен, без рыданий с кровавой плахи в дни
страданий сошедшая в могильную сень.

Певцу любви, дубрав и мира несущ надгробные цветы. Звучит неизвестная лира, пою.
Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира и жертву новую зовет. Певец готов; задумчивая
лира в последний раз ему поет. (9)

Завтра казнь, привычный пир народу; но лира юного певца о чем поет? Поет она
свободу: не изменилась до конца!

"Приветствую тебя, мое светило! Я славил твой небесный лик, когда он искрою
возник, когда ты в буре восходило. Я славил твой священный гром, когда он

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
разметал позорную твердыню И власти древнюю гордыню Развеял пеплом и стыдом: Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу, Я слышал братский их обет, Великодушную присягу И самовластия бестрепетный ответ. Я зрел, как их могучи волны Вс^о ниспровергли, увлекли, И пламенный трибун предрек, восторга полный, Перерождение земли. Уже сиял твой мудрый гений, Уже в бессмертный Пантеон Святых изгнанников входили славны тени, От пелены предрассуждений Разоблачался ветхий трон; Оковы падали. Закон, На вольность опершись, провозгласил равенство, И мы воскликнули: Блаженство! О горе! о безумный сон! Где вольность и закон? Над нами Единый властвует топор. Мы свергнули царей. Убийцу с палачами Избрали мы в цари. О ужас! о позор! Но ты, священная свобода, Богиня чистая, нет, – не виновна ты, В порывах буйной слепоты, В презренном бешенстве народа, Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд Завешен пеленой кровавой: Но ты придешь опять со мщением и славой, И вновь твои враги падут; Народ, вкусивший раз твой нектар освященный, Вс^о ищет вновь упиться им; Как будто Вахком разъяренный, Он бродит, жаждою томим; Так – он найдет тебя. Под сению равенства В объятиях твоих он сладко отдохнет; Так буря мрачная минет! Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства: Я плахе обречен. Последние часы Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою Палач мою главу подымет за власы Над равнодушною толпою. Простите, о друзья! Мой неприютный прах Не будет почивать в саду, где провождали Мы дни беспечные в науках и в пирах И место наших урн заране назначали.

Но, други, если обо мне

Священно вам воспомяненье. Исполните мое последнее желанье: Оплачьте, милые, мой жребий в тишине; Страшитесь возбудить слезами подозренье; В наш век, вы знаете, и слезы преступленье: О брате сожалеть не смеет ныне брат. Еще ж одна мольба: вы слушали стократ Стихи, летучих дум небрежные созданья, Разнообразные, заветные преданья Всей младости моей. Надежды и мечты, И слезы, и любовь, друзья, сии листы Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни (10), Молю, найдите их; невинной музы дани Сберегите. Строгий свет, надменная молва Не будут ведать их. Увы, моя глава Безвременно падет: мой незрелый гений Для славы не свершил возвышенных творений; Я скоро весь умру. Но, тень мою любя, Храните рукопись, о други, для себя! Когда гроза пройдет, толпою суеверной Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный, И, долго слушая, скажите: это он; Вот речь его. А я, забыв могильный сон, Взойду невидимо и сяду между вами, И сам заслушаюсь, и вашими слезами Упьюсь... и, может быть, утешен буду я Любовью; может быть, и Узница моя, (11) Уныла и бледна, стихам любви внимая..."

Но, песни нежные мгновенно прерывая, Младой певец поник задумчивой главой. Пора весны его с любовью, тоской Промчалась перед ним. Красавиц томны очи И песни, и пиры, и пламенные ночи, Вс^о вместе ожило; и сердце понеслось Далече... и стихов журчанье излилось:

"Куда, куда завлек меня враждебный гений? Рожденный для любви, для мирных искушений, Зачем я покидал безвестной жизни тень, Свободу и друзей, и сладостную лень? Судьба лелеяла мою златую младость; Беспечною рукой меня венчала радость, И муза чистая делила мой досуг. На шумных вечерах друзей любимый друг, Я сладко оглашал и смехом, и стихами Сень, охраненную домашними богами. Когда ж, вакхической тревогой утомясь И новым пламенем незапно воспалась, Я утром наконец являлся к милой деве И находил ее в смятении и гнев; Когда, с угрозами, и слезы на глазах, Мой проклиная век, утраченный в пирах, Она меня гнала, бранила и прощала: Как сладко жизнь моя лилась и утекала! Зачем от жизни сей, ленивой и простой, Я кинулся туда, где ужас роковой, Где страсти дикие, где буйные невежды, И злоба, и корысть! Куда, мои надежды, Вы завлекли меня! Что делать было мне, Мне, верному любви, стихам и тишине, На низком поприще с презренными бойцами! Мне ль было управлять строптивыми конями И круто напрягать бессильные бразды? И что ж оставляю я? Забытые следы Безумной ревности и дерзости ничтожной. Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный, Ты, слово, звук пустой... О, нет! Умолкни, ропот малодушный! Гордись и радуйся, поэт: Ты не поник главой послушной Перед позором наших лет; Ты презрел мощного злодея; Твой светоч, грозно пламенея, Жестоким блеском озарил Совет правителей бесславных; (12) Твой бич настигнул их, казнил Сих палачей самодержавных: Твой стих свистал по их главам; Ты звал на них, ты славил Немезиду; Ты пел Маратовым жрецам Кинжал и деву-эвмениду! Когда святой старик от плахи отрывал Венчанную главу рукой оцепенелой, Ты смело им обоим руку дал, И перед вами трепетал Ареопаг остервенелый. Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь, Моей главой играй теперь: Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный: Мой крик, мой ярый смех преследует тебя! Пей нашу кровь, живи, губя: Ты вс^о пигмей, пигмей ничтожный. И

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
час придет... и он уж недалек: Падешь, тиран! Негодование Воспрянет наконец.
Отечества рыданье Разбудит утомленный рок. Теперь иду... пора... но ты ступай за
мною; Я жду тебя".

Так пел восторженный поэт. И вс° покоилось. Лампады тихий свет Бледнел пред
утренней зарею, И утро веяло в темницу. И поэт К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет! Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один: И казней нет, и всем свобода, И
жив великий гражданин Среди великого народа (13) . Не слышат. Шествие безмолвно.
Ждет палач. Но дружба смертный путь поэта очарует (14) . Вот плаха. Он взошел.
Он славу именует... (15) Плачь, муза, плачь!..

К РОДЗЯНКЕ.

Ты обещал о романтизме, О сем парнасском афеизме, Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны, А пишешь мне об ней одной... Нет, это ясно, милый
мой, Нет, ты влюблен, Пирон Украины!

Ты прав: что может быть важней на свете женщины прекрасной? Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей, Дороже славы разногласной... Поговорим опять об ней.

Хвалю, мой друг, ее охоту, Поотдохнув, рожать детей, Подобных матери своей; И
счастлив, кто разделит с ней Сию приятную заботу: Не наведет она зевоту, Дай
бог, чтоб только Гименей меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой, Не одобряю я развода! Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа... А во-вторых, замечу я, Благопристойные мужья Для умных
жен необходимы: При них домашние друзья Иль чуть заметны, иль незримы. Поверьте,
милые мои, Одно другому помогает, И солнце брака затмевает Звезду стыдливую
любви.

К***.

КЕРН

Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как
гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос
нежный, И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный Рассеял прежние мечты. И я забыл твой голос
нежный, Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья Тянулись тихо дни мои Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты, Как мимолетное виденье, Как
гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье, И для него воскресли вновь И божество и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

* * *

Блестит луна, недвижно море спит, Молчат сады роскошные Гассана. Но кто же там
во мгле дерев сидит На мраморе печального фонтана? Арап-эвнух, гарема страж
седой, И с ним его товарищ молодой.

"[Мизрур], недуг тоски душевной

Не от меня сокроешь ты.

Твой мрачный взор, твой ропот гневный,

Твои свирепые мечты

Уже давно мне вс° сказали.

Я знаю – жизнь тебе тяжка.

А что виной твоей печали?

Мой сын, послушай старика".

ЖЕНИХ.

Три дня купеческая дочь

Наташа пропадала; Она на двор на третью ночь

Без памяти вбежала.

Вопросами отец и мать К Наташе стали приступать.

Наташа их не слышит,

Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,

И долго приступали, И отступились наконец,

А тайны не узнали. Наташа стала, как была, Опять румяна, весела,

Опять пошла с сестрами

Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,

С подружками своими, Сидела девица – и вот

Промчалась перед ними Лихая тройка с молодцом. Конями, крытыми ковром,

В санях он стоя правит

И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,

Наташа поглядела, Он вихрем мимо пролетел,

Наташа помертвела. Стремглав домой она бежит. "Он! он! узнала! – говорит,

Он, точно он! держите,

Друзья мои, спасите!"

Печально слушает семья,

Качая головою; Отец ей: "Милая моя,

Откройся предо мною. Обидел кто тебя, скажи, Хоть только след нам укажи".

Наташа плачет снова.

И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор

Нежданая приходит. Наташу хвалит, разговор

С отцом ее заводит: "У вас товар, у нас купец; Собою парень молодец,

И статный, и проворный,

Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем

Не кланяется в пояс, А как боярин между тем

Живет, не беспокоясь: А подарит невесте вдруг И лисью шубу, и жемчуг,

И перстни золотые,

И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера

Ее за воротами; Не по рукам ли, да с двора,

Да в церковь с образами?" Она сидит за пирогом, Да речь ведет обиняком,

А бедная невеста

Себе не видит места.

"Согласен, - говорит отец;

Ступай благополучно, Моя Наташа, под венец:

Одной в светелке скучно. Не век девицей вековать, Не вс° косатке распевать,

Пора гнездо устроить,

Чтоб детушек покоить".

Наташа к стенке уперлась

И слово молвить хочет Вдруг зарыдала, затряслась,

И плачет и хохочет. В смятеньи сваха к ней бежит, Водой студеною поит

И льет остаток чаши

На голову Наташи.

Крушится, охает семья.

Опомнилась Наташа И говорит: "Послушна я,

Святая воля ваша. Зовите жениха на пир, Пеките хлебы на весь мир,

На славу мед варите,

Да суд на пир зовите".

"Изволь, Наташа, ангел мой!

Готов тебе в забаву я жизнь отдать!" - и пир горой;

Пекут, варят на славу. Вот гости честные нашли, За стол невесту повели;

Пьют подружки, плачут,

А вот и сани скачут.

Вот и жених - и все за стол.

Звенят, гремят стаканы, Заздравный ковш кругом пошел;

Вс° шумно, гости пьяны.

Жених. "А что же, милые друзья, Невеста красная моя

Не пьет, не ест, не служит:

О чем невеста тужит?"

Невеста жениху в ответ:

"Откроюсь на удачу. Душе моей покоя нет,

И день, и ночь я плачу. Недобрый сон меня крушит". Отец ей: "Что ж твой сон гласит?"

Скажи нам, что такое,

Дитя мое родное?"

"Мне снилось, - говорит она,

Зашла я в лес дремучий, и было поздно; чуть луна

Светила из-за тучи; С тропинки сбилась я: в глуши Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели

Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,

изба передо мною. Я к ней, стучу - молчат. Зову

Ответа нет; с мольбою Дверь отворила я. Вхожу В избе свеча горит; гляжу

Везде серебро да золото,

Вс° светло и богато".

Жених. "А чем же худ, сказки, твой сон?"

Знать жить тебе богато".

Невеста. "Постой, сударь, не кончен он.

На серебро, на золото, На сукна, коврики, парчу, На новгородскую камчу

Я молча любовалась

И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ..

Подъехали к крылечку. Я поскорее дверью хлоп,

И спряталась за печку. Вот слышу много голосов... Взошли двенадцать молодцов,

и с ними голубица

Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,

Икон не замечая; За стол садятся, не молясь

и шапок не снимая. На первом месте брат большой, По праву руку брат меньшей,

По леву голубица

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,

Разгульное похмелье..."

Жених. "А чем же худ, скажи, твой сон?

Вещает он веселье".

Невеста. "Постой, сударь, не кончен он. Идет похмелье, гром и звон,

Пир весело бушует,

Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет

И током слезы точит, А старший брат свой нож берет,

Присвистывая точит; Глядит на девицу-красу, И вдруг хватает за косу,

Злодей девицу губит,

Ей праву руку рубит".

"Ну, это, - говорит жених,

Прямая небылица! Но не тужи, твой сон не лих,

Поверь, душа-девица". Она глядит ему в лицо. "А это с чьей руки кольцо?"

Вдруг молвила невеста,

И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,

Жених дрожит бледнея; Смутились гости. - Суд гласит:

"Держи, вязать злодея!" Злодей окован, обличен, и скоро смертью казнен.

Прославилась Наташа!

И вся тут песня наша.

* * *

Если жизнь тебя обманет, Не печалься, не сердись! В день уныния смирись: День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет; Настоящее уныло: Вс° мгновенно, вс° пройдет; Что пройдет, то будет мило.

* * *

Заступники кнута и плети, [О знаменитые?] князя, [За вс° ?] жена [моя] [и] дети [Вам благодарны] как и я?. За вас молить [я] бога буду И никогда не позабуду. Когда позовут Меня на полную? расправу, За ваше здравие и славу я? дам? царю? мой первый кнут.

* * *

[Словесность русская больна] лежит в истерике она и бредит языком мечтаний, [И хладный между тем зоил Ей Каченовский застудил] Теченье месячных изданий.

* * *

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
На небесах печальная луна встречается с веселою [зарю], Одна горит, другая
холодна. Заря блеснит невестой молодой, Луна пред ней, как мертвая, бледна. Так
встретился, Эльвина, я с тобою.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ.

Сатирик и поэт любовный, Наш Аристип и Асмодей, Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей. Писатель нежный, тонкий, острый, Мой дядюшка – не дядя
твой, Но, милый, – музы наши сестры, И так, ты вс° же братец мой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ.

Что смолкнул веселия глас?

Раздайтесь, вакхальны припевы!

Да здравствуют нежные девы И юные жены, любившие нас!

Полнее стакан наливайте!

На звонкое дно

В густое вино

Заветные кольца бросайте! Подыдем стаканы, содвинем их разом! Да здравствуют
музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари, Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума. Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

Примите "Невский Альманах". Он мил и в прозе, и в стихах: Вы тут найдете
Полевого, Великопольского, Хвостова; Княжевич, дальний ваш родня, Украсил также
книжку эту; Но не найдете вы меня: Мои стихи скользнули в Лету. Что слава
мира?... дым и прах! Ах, сердце ваше мне дороже!.. Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО.

Счастливый юноша, ты всем меня пленил: Душою гордою и пылкой и незлобной, И
первой младости красой женоподобной.

* * *

Цветы последние милей Роскошных первенцев полей. Они унылые мечтанья живее
пробуждают в нас. Так иногда разлуки час живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле, Проглянет день как
будто по неволе И скроется за край окружных гор. Пылай, камин, в моей пустынной
келье; А ты, вино, осенней стужи друг, Прелей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет, С кем долгуя запил бы я разлуку, Кому бы мог
пожать от сердца руку И пожелать веселых много лет. Я пью один; вотще
воображенье Вокруг меня товарищей зовет: Знакомое не слышно приближенье, И
милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы Меня друзья сегодня именуют... Но многие ль и там
из вас пируют? Еще кого не досчитались вы? Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет? Чей глас умолк на братской переключке? Кто не

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец, С огнем в очах, с гитарой сладкогласной: Под миртами Италии прекрасной Он тихо спит, и дружеский резец Не начертал над русской могилой Слов несколько на языке родном, Чтоб некогда нашел привет унылый Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей, Чужих небес любовник беспокойный? Иль снова ты проходишь тропик знойный И вечный лед полуночных морей? Счастливым путь!.. С Лицейского порога Ты на корабль перешагнул шутя, И с той поры в морях твоя дорога, О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе Прекрасных лет первоначальны нравы: Лицейский шум, лицейские забавы Средь бурных волн мечталися тебе: Ты простирал из-за моря нам руку, Ты нас одних в молодой душе носил И повторял: "На долгую разлуку Нас тайный рок, быть может, осудил!"

Друзья мои, прекрасен наш союз Он как душа неразделим и вечен Неколебим, свободен и беспечен Сростался он под сенью дружных муз. Куда бы нас ни бросила судьбина, И счастье куда б ни повело, Вс^о те же мы: нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой, Запутанный в сетях судьбы суровой, Я с трепетом на лоно дружбы новой. Устав, приник ласкающей главой... С мольбой моей печальной и мятежной, С доверчивой надеждой первых лет, Друзьям иным душой предался нежной; Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши, В обители пустынных вьюг и хлада, Мне сладкая готовилась отрада: Трех из вас, друзей моей души, Здесь обнял я. Поэта дом опальный, О Пущин мой, ты первый посетил; Ты усладил изгнанья день печальный, Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней, Хвала тебе – фортуны блеск холодный Не изменил души твоей свободной: Вс^о тот же ты для чести и друзей. Нам разный путь судьбой назначен строгой; Ступая в жизнь, мы быстро разошлись: Но невзначай проселочной дорогой Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев, Для всех чужой, как сирота бездомный, Под бурю главой поник я томной И ждал тебя, вешун пермесских дев, И ты пришел, сын лени вдохновенный, О Дельвиг мой: твой голос пробудил Сердечный жар, так долго усыпленный, И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел, И дивное волненье мы познали; С младенчества две музы к нам летали, И сладок был их лаской наш удел: Но я любил уже рукоплесканья, Ты гордый пел для муз и для души; Свой дар как жизнь я тратил без вниманья, Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво: Но юность нам советует лукаво, И шумные нас радуют мечты... Опомнимся – но поздно! и уныло Глядим назад, следов не видя там. Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было, Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук Не стоит мир; оставим заблужденья! Сокроем жизнь под сень уединенья! Я жду тебя, мой запоздалый друг Приди; огнем волшебного рассказа Сердечные преданья оживи; Поговорим о бурных днях Кавказа, О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья! Предчувствую отрадное свиданье; Запомните ж поэта предсказанье: Промчится год, и с вами снова я, Исполнится завет моих мечтаний; Промчится год, и я явлюсь к вам! О сколько слез и сколько восклицаний, И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней! И всю до дна в честь нашего союза! Благослови, ликующая муза, Благослови: да здравствует Лицей! Наставникам, хранившим юность нашу, Всем честию, и мертвым и живым, К устам подъяв признательную чашу, Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря, Опять до дна, до капли выпивайте! Но за кого?

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
о други, угадайте... Ура, наш царь! так! выпьем за царя. Он человек! им
властвует мгновенье. Он раб молвы, сомнений и страстей; Простим ему неправоe
гоненье: Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут! Увы, наш круг час от часу редеет; Кто в гробе спит,
кто дальный сиротеет; Судьба глядит, мы вянем; дни бегут; Невидимо склоняясь и
хладея, Мы близимся к началу своему... Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений Докучный гость и лишний, и чужой, Он
вспомнит нас и дни соединений, Закрыв глаза дрожащею рукой... Пускай же он с
отрадой хоть печальной Тогда сей день за чашей проведет, Как ныне я, затворник
ваш опальный, Его провел без горя и забот.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ.

В глуши, измучась жизнью постной, Изнемогая животом, Я не парю - сижу орлом и
болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас, Натугу вдохновенья чуждый, Хожу я редко на Парнас, И только
за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз Приятно мне щекотит нос: Хвостова он напоминает, Отца
зубастых голубей, И дух мой снова посылает ко испражненью прежних дней.

* * *

Брови царь нахмуря, Говорил: "Вчера Повалила буря Памятник Петра". Тот
перепугался. "Я не знал!.. Ужель?" Царь расхохотался. "Первый, брат, апрель!"

Говорил он с горем Фрейлинам дворца: "Вешают за морем За два ----!.. То есть
разумею, Вдруг примолвил он, Вешают за шею, Но жесток закон".

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

В лесах, во мраке ночи праздной Весны певец разнообразный Урчит и свищет, и
гремит; Но бестолковая кукушка, Самолюбивая болтушка, Одно куку свое твердит, И
это вслед за нею то же. Накуковали нам тоску! Хоть убежать. Избавь нас, боже, От
элегических куку!

ДВИЖЕНИЕ.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить; Хвалили все ответ замысловатый. Но, господа,
забавный случай сей Другой пример на память мне приводит: Ведь каждый день пред
нами солнце ходит, Однако ж прав упрямый Галилей.

* * *

Вс° в жертву памяти твоей: И голос лиры вдохновенной, И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей, И славы блеск, и мрак изгнания, И светлых мыслей
красота, И мщенье, бурная мечта Ожесточенного страданья.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА. БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФИЛЬ.

Фауст. Мне скучно, бес.

Мефистофель.

Что делать, Фауст? Таков вам положен предел, Его ж никто не преступает. Вся
тварь разумная скучает: Иной от лени, тот от дел; Кто верит, кто утратил веру:
Тот насладиться не успел, Тот насладился через меру, И всяк зеваает да живет И
всех вас гроб, зевая, ждет. Зевай и ты.

Фауст.

Сухая шутка! Найди мне способ как-нибудь Рассеяться.

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
Мефистофель.

Доволен будь Ты доказательством рассудка. В своем альбоме запиши: Fastidium est quies – скука Отдохновение души. Я психолог... о вот наука!.. Скажи, когда ты не скучал? Подумай, поищи. Тогда ли, Как над Виргилием дремал, А розги ум твой возбуждали? Тогда ль, как розами венчал Ты благосклонных дев веселья И в буйстве шумном посвящал Им пыл вечернего похмелья? Тогда ль, как погрузился ты В великодушные мечты, В пучину темную науки? Но – помнится – тогда со скуки, Как арлекина, из огня Ты вызвал наконец меня. Я мелким бесом извивался, Развеселить тебя старался, Возил и к ведьмам и к духам, И что же? вс° по пустякам. Желал ты славы – и добился, Хотел влюбиться – и влюбился. Ты с жизни взял возможную дань, А был ли счастлив?

Фауст.

Перестань. Не растравляй мне язвы тайной. В глубоком знаньи жизни нет Я проклял знаний ложный свет, А слава... луч ее случайный Неуловим. Мирская честь Бессмысленна, как сон... Но есть Прямое благо: сочетанье Двух душ...

Мефистофель.

И первое свиданье, Не правда ль? Но не лъзя ль узнать, Кого изволишь поминать, Не Гретхен ли?

Фауст.

О сон чудесный! О пламя чистое любви! Там, там – где тень, где шум древесный, Где сладко-звонкие струи Там, на груди ее прелестной Покоя томную главу, Я счастлив был...

Мефистофель.

Творец небесный! Ты бредишь, Фауст, на яву! Услужливым воспоминаньем Себя обманываешь ты. Не я ль тебе своим стараньем Доставил чудо красоты? И в час полуночи глубокой С тобою свел ее? Тогда Плодами своего труда Я забавлялся одинокой, Как вы вдвоем – вс° помню я. Когда красавица твоя Была в восторге, в упоенье, Ты беспокойною душой Уж погружался в размышленье (А доказали мы с тобой, Что размышленье – скуки семя). И знаешь ли, философ мой, Что думал ты в такое время, Когда не думает никто? Сказать ли?

Фауст.

Говори. Ну, что?

Мефистофель. Ты думал: агнец мой послушный! Как жадно я тебя желал! Как хитро в деве простодушной Я грезы сердца возмущал! Любви невольной, бескорыстной Невинно предалась она... Что ж грудь моя теперь полна Тоской и скукой ненавистой?.. На жертву прихоти моей Гляжу, упившись наслажденьем, С неодолимым отвращеньем: Так безрасчетный дуралей, Вотще решаешь на злое дело, Зарезав нищего в лесу, Бранит ободранное тело; Так на продажную красу, Насытись ею торопливо, Разврат косится боязливо... Потом из этого всего Одно ты вывел заключение...

Фауст. Сокройся, адское творенье! Беги от взора моего!

Мефистофель. Изволь. Задай лишь мне задачу: Без дела, знаешь, от тебя Не смею отлучаться я Я даром времени не трачу.

Фауст. Что там белеет? говори.

Мефистофель. Корабль испанский трехмачтовый, Пристать в Голландию готовый: На нем мерзавцев сотни три, Две обезьяны, бочки злата, Да груз богатый шоколата, Да модная болезнь: она Недавно вам подарена.

Фауст. Вс° утопить.

Мефистофель.

Сей час.

(Исчезает)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя: То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя, То по кровле обветшалой Вдруг соломой зашумит, То, как путник запоздалый, К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка И печальна, и темна. Что же ты, моя старушка, Приумолкла у окна? Или бури завываньем Ты, мой друг, утомлена, Или дремлешь под жужжаньем Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка Бедной юности моей, Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей. Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила; Спой мне песню, как девица За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя; То, как зверь, она завоет. То заплачет, как дитя. Выпьем, добрая подружка Бедной юности моей, Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей.

* * *

Вертоград моей сестры, Вертоград уединенный; Чистый ключ у ней с горы Не бежит запечатленный. У меня плоды блестят Наливные, золотые; У меня бегут, шумят Воды чистые, живые. Нard, алой и киннамон Благовонием богаты: Лишь повеет аквилон, И закапят ароматы.

* * *

В крови горит огонь желанья, Душа тобой уязвлена, Лобзай меня: твои лобзанья Мне слаще мирра и вина. Склонись ко мне главою нежной, И да почию безмятежный, Пока дохнет веселый день И двинется ночная тень.

БУРЯ.

Ты видел деву на скале в одежде белой над волнами, Когда, бушуя в бурной мгле, Играло море с берегами. Когда луч молний озарял Ее всечасно блеском алым, И ветер бился и летал С ее летучим покрывалом? Прекрасно море в бурной мгле И небо в блесках без лазури; Но верь мне: дева на скале Прекрасней волн, небес и бури.

ПРОЗАИК И ПОЭТ.

О чем, прозаик, ты хлопочешь? Давай мне мысль какую хочешь: Ее с конца я завострю, Летучей рифмой оперю, Взложу на тетиву тугую, Послушный лук согну в дугу, А там пошлю наудалую, И горе нашему врагу!

ИЗ ВОЛЬТЕРА.

Короче дни, а ночи доле, [Настала скучная] пора, И солнце будто поневоле Глядит на убранное поле. Что делать в зимни вечера, Пока не подали нам кушать? Хотите ли теперь послушать, Мои почтенные друзья, Рассказ про доброго Роберта, Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой, Имея очень мало денег. Сей рыцарь был хорош собой, Разумен, хоть и молоденок.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить, Поймавши истинно повесить И живота весьма лишить.

* * *

Хотя стишки на именины Натальи, Софьи, Катерины Уже не в моде, может быть: Но я, ваш обожатель верный, Я в знак послушности примерной Готов и ими вам служить. Но предаю себя проклятью, Когда я знаю, почему Вас окрестили благодатью! Нет, нет, по мнению моему. И ваша речь, и взор унылый, И ножка (смею вам сказать) Вс° это

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
чрезвычайно мило, Но пагуба, не благодать.

* * *

Под каким созвездием, Под какой планетой Ты родился, юноша? Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего, Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша Под звездой безвестною, Под звездой падучею, Миг один блеснувшю
В тишине небес.

* * *

Что с тобой, скажи мне, братец? Бледен ты как святотатец, Волоса стоят горой!
Или с девою молодой пойман был [ты у забора], И, приняв тебя за вора, Сторож
гнался за тобой? Иль смущен ты привиденьем, Иль за тяжкие грехи, Мучась диким
вдохновеньем, Сочиняешь ты стихи?

С ПОРТУГАЛЬСКОГО.

Там звезда зари взошла, Пышно роза процвела. Это время нас, бывало, Друг ко
другу призывало.

И являлася она У дверей иль у окна Ранней звездочки светлее, Розы утренней
свежее.

На постеле пуховой, Дева сонною рукой Протирала томны очи, Удаляя грезы ночи.

Лишь ее завiju я, Мнилось, легче вокруг меня Воздух утренний струился; Я вольнее
становился.

Меж овец деревни всей Я красавицы моей Знал любимую овечку Я водил ее на речку.

На тенистые брега, На зеленые луга; Я поил ее, лелеял, Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне Приближалась в тишине, Я, [прекрасную] встречая, Пел гитаррою
бряцая:

"Девы, радости моей нет! на свете нет милей, Кто посмеет под луною Спорить в
счастьи со мною.

Не завидую царям, Не завидую богам. Как увижу очи томны, Тонкий стан и косы
темны".

Так певал [бывало] ей, и красавицы моей Сердце песнью любовалось; Но блаженство
миновалось.

Где ж красавица моя! Одинокий плачу я Заменяли песни нежны Стон и слезы
безнадежны.

Gonzago

НАЧАЛО I ПЕСНИ "ДЕВСТВЕННОЩИ".

Я не рожден святыню славословить, Мой слабый глас не взыдет до небес; Но должен
я вас ныне приготовить К услышанью Иоанниных чудес. Она спасла французские
лилеи. В боях ее девической рукой Поражены заморские злодеи. Могучею блистая
красотой, Она была под юпкою герой. Я признаюсь – вечернею порой Милее мне
смиренная девица Послушная, как агнец полевой; Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод Являлася всех витязей славнее И, что всего
чудеснее, труднее, Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец, сей чудотворной девы, Седой певец, чьи хриплые напевы, Нестройный
ум и бестолковый вкус в былые дни бесили нежных муз, Хотел бы ты, о стихотворец
хилый, Почтить меня скрипицею своею, Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

АННЕ Н. ВУЛЬФ.

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
Увы! напрасно деве гордой я предлагал свою любовь! Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой. Слезами только буду сыт, Хоть сердце мне печаль
расколет. Она на щечочку -----, Но и ----- не позволит.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.
- (2) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.
- (3) Под словом клады должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.
- (4) Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник Свободы.
- (5) Горячка.
- (6) Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: "Заздр. кубок").
- (7) Подражание е. высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простираю

Уже из отческия кущи,

Взирая на суда бегущи.

- (8) Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним предерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здоровье его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вахх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты.
- (9) Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyre

Anime le soir d'un beau jour, Au pied de l'ychafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. Les derniers vers d'Andrй Chйnier). (10) У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mysteres (E1. I): один из друзей А. Ш. Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressйes. (11) И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny). (12) Voyez ses iambes.

Chйnier avait mйritй la haine des factieux. Il avait cйlebrй Charlotte Corday, fйltri Collot d'Herbois, attaquй Robespierre. - On sait que le Roi avait demandй a l'Assemblйe, par une lettre pleine de calme et de dignitй, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signйe dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'Andrй Chйnier.

(H. de la Touche.) (13) Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера. (14) На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlirent de polsie a leur derniers moments: pour eux aprйs l'amitйй c'йtait la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur derniere admiration. Ils voulurent rйciter ses vers. Ils choisirent la premiere scine d'Andromaque.

(H. de la Touche.) (15) На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose la.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://pushkinaalexander.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения 1825. Александр Сергеевич Пушкин pushkinaalexander.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru/). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!